

Водопад

Я солдат. Просто выполняю свой долг. Не пешка в чужой войне – и не генералиссимус, жертвующий чужими жизнями. Такое дело, мне платят солью земли за каждую выигранную битву, а значит я солдат и точка.

Мимо меня проносятся облака, мгновения, капли воды и искры света. Я стою на крыльце огромного дома в Беверли Хиллз (вот уж несусветный штамп) и жму на звонок в третий раз. Похоже, время уходит; судьба не делает ошибок. Раз *его* нет дома, значит, здесь моя история подходит к концу. Остается только развернуться и медленно спуститься вниз, ссутулив широкие плечи и убрав руки в карманы джинсов. Впрочем, на четвертом шаге меня окликают, и я мгновенно преображаюсь, оказываясь у приоткрытой двери:

– День добрый, меня зовут Бен, хочу быть вашим ассистентом.

Перевожу дух и наконец смотрю на *него*. Чуть не вздрагиваю – вопиющая непрофессиональность и конец света; однако могли бы и предупредить.

– Бен, послушай, – он замолкает, – собеседование окончено. Я нашел себе ассистента.

Звучит немного растерянно. “Не судьба”, – вторит эхо, а значит, *тебе* повезло. Впрочем, может, мне повезло тоже. Как знать.

– Но я пришел без трех минут. Вы долго не открывали. И потом, признайтесь, вы ведь ассистентку нашли.

Воздух плотный и душный, вязнет в легких и отчего-то скрипит на зубах. Я начинаю покрываться легкой испариной; моим одеколоном, кажется, пахнет весь мир.

Он вдруг улыбается, широко, от души, и мое сердце делает странное движение – его ведет куда-то в сторону, как смятую, поплывшую свечку.

– Заходи, Бен, – пропускает меня в дом и чуть хлопает по плечу. На этот раз я не реагирую.

– Только давай быстро.

– Как скажете, – я лезу в карман, стараясь не глазеть по сторонам и протягиваю *ему* мобильник с моими верительными грамотами.

– Бен, двадцать восемь, мечтаю работать с вами, проблемы разруливаю быстро и качественно, легок на подъем, весел, моралей читать не буду, могила.

Он хмыкает, и я растерянно смотрю на него изнутри своего красивого и сильного тела, почему смеется? Почему не злой?

– Крис, двадцать девять, ищу такого ассистента, как ты.

Все вдруг оказывается чересчур просто. В дверь звонят, и я будто просыпаюсь, вываливаясь в реальность. Мир обретает четкость и холодность оттенков.

– Так, разудишь вот эту проблему – и должность твоя, – говорит Крис и трясет головой. – Моя мегавечеринка начинается только через полчаса, а гости уже тут. Выручай.

С этими словами он легко разворачивается и танцующим шагом идет куда-то наверх. Черт бы его побрал, действительно неплохая проверка.

В дверь звонят второй раз, настойчиво и требовательно. Я поправляю волосы и открываю. На пороге стоит парочка, блондин и блондинка.

– Привет, я Бен, всем тут заправляю! – радостно выдаю я, жестом приглашая их войти. – Крис спустится через пару минут.

– Ассистент? – поднимает брови парень и тут же хмурится. – Реплика, достойная заправского придурка, я в курсе. Меня Джеймс зовут, можно просто Джимми. А это Роуз.

Я жму протянутую руку и вполне искренне улыбаюсь.

– Пойду на кухню, посмотрю, чем вас можно угостить.

Девушка бросает на меня застенчивый взгляд и кусает нижнюю губу. Приехали. Роуз, знала бы ты...

– Эй, Бен! – удивленно окликает меня Джеймс. – Кухня же не там.

– Работаю полторы минуты, – куртуазно отвечаю я, прикидываю в какой стороне находится загадочный нетам и отправляюсь наугад почти так же легко и играючи, как Крис. Впрочем, мне есть чему поучиться. Он весит, наверное, под сотню, а ростом меня выше ровно на шесть сантиметров, огромный, но при этом легкий и пластичный, весь сотканый из мышц и сухожилий, ни грамма жира, в отличие от *других*. Мое тело тоже высокое и сильное, я строен, но не могу так, как он – летать над полом.

Возвращаюсь я с двумя стаканами и одним бокалом, который несу на сгибе локтя. Так и есть, Крис уже тут как тут, не зря я прихватил лишний виски. Джеймсу – ром с колой, а Роуз я намешал “Космо”. Стандартный коктейль для стандартной блондинки, ничего особенного. Правда теперь эти трое смотрят на меня, как на мага. Впрочем, в глазах Криса я читаю еще и усталость. Сердце вновь заходится досадой: что же я делаю не так?

– Et voilà!¹ Один “Космо” для дамы, один ром с одной колой для джентльмена, один виски для моего хозяина.

Кусаю себя за язык сразу же. Большой чуши придумать было невозможно.

– А я пока займусь музыкой и выясню, где же бармен.

¹ А вот, пожалуйста! (фр.)

– Бен, – почти с суеверным ужасом говорит Джимми, глядя мне прямо в глаза, – скажи мне честно, почему сегодня сделки с дьяволом?

Я улыбаюсь в ответ:

– Угадал?

– На все сто! – вклинивается блондинка.

– Входит в обязанности хорошего ассистента.

Музыка и бармен. Можно, конечно, и мой телефон подключить к аудиосистеме, каковая тут наверняка имеется. Я хлопаю по карману джинсов и замираю на мгновение, чувствуя, как досада звенит внутри, не касаясь, впрочем, сердца. Телефон остался у Криса.

Он находит меня, когда я уже почти подобрал пароль к его компьютеру, стоящему наверху.

– Ты слишком хорош, – во фразе слышатся металл и безапелляционность. – Держи телефон и катись.

Не судьба, – вздыхаю я, и дом наполняется звуками. Успел все-таки.

– Хорошо, – я забираю мобильник из его теплых пальцев и молча ухожу, отчего-то вдруг страшно, дико и незнакомо радуясь, чуть не ликуя.

– Постой. Та девица и за год не освоит того, что ты сделал за пять минут. Зачем тебе эта работа? Самому впору обзаводиться ассистентом. Чего ты хочешь?

Я оборачиваюсь и чувствую, как меня тянет к земле. Почти удалось уйти.

– Хочу развлекаться, – отзываюсь на вопрос и не смотрю в глаза. – Хочу жить твоей жизнью.

Мне нравится вся эта мишура, можешь звать меня как хочешь: мелочным, ребенком, бабником, – но мне нравится всё это. Дорогие машины, закрытые тусовки, премьеры фильмов, на которых так легко подцепить какую-нибудь симпатичную старлетку. Я не актер, не певец, не писатель даже. Как прикажешь пробиваться?

Крис медлит ровно секунду.

– Тридцатка в месяц, приглашений никуда не обещаю, выручать меня будешь из *любых* ситуаций.

Я мгновенно веселею:

– Договорились.

Собираюсь пройти мимо него, спуститься вниз и начать уже решать ситуацию с отсутствующим барменом, но Крис вдруг закрывает мне выход из комнаты. Я смотрю за его плечо в струящийся темными красками коридор и чувствую одно лишь ошеломляющее безразличие. Через мое тело трудно пробиться внутрь. Крису просто что-то взбрело в голову, только и всего.

– И еще, лапушка, – давит он по слогам, не понижая голос, уверенный в себе и, наверное, невероятно красивый. – Посмотри мне в глаза, – его пальцы вздергивают мой подбородок ровно настолько, насколько надо. И я гадаю, что происходит, ведь не может же он западать на мальчиков.

Его глаза голубые и пронзительные, такие же, как... Стоп, а вот здесь надо взять паузу. Я играючи, насмешливо выдерживаю его взгляд.

– Мысли все равно не прочитаешь. Дурных намерений у меня нет.

– Девчонку послали, надо же, – зрительный контакт рвется, и я опускаюсь обратно в темный и холодный мир, не до конца понимая, о чем речь. – Это сразу было видно, лапушка. Не знаю уж, как тебя зовут, и зачем ты согласилась на них работать.

Крис делает шаг в сторону, все еще не давая мне пройти, а я только и могу думать, что он чертовски хорош и вполне достоин всех легенд, которыми его окутывает молва.

– Я не пью души, – говорит он мне дерзко, снова не заботясь о том, услышат его или нет. – Так что тебе незачем торчать рядом со мной *в этом теле*.

Я наконец-то вздрагиваю и хмыкаю:

– Работа такая, Крис. А про души вы все так говорите... Сначала.

– Когда *они* стали нанимать людей? Да еще запихивать их, по собственной привычке, в другие тела?

– Понятия не имею, о чем ты, – фыркаю я и поднимаю на него глаза. Он все-таки дает мне выйти, даже не бросается вдогонку, не увольняет, не спускает с лестницы.

Тело не слушается. С ним всегда так, когда мне напоминают, кто я на самом деле. Душа болтается внутри странной и чужеродной оболочки, но программу минимум я все-таки выполнила. Нанялась к демону в ассистенты.

– Не жалею об упущенных возможностях! – раздается у меня над ухом.

Я вздрагиваю и медленно прихожу в себя, постепенно скидывая оковы сна. Житейские максимы, оказывается, изрекает мой мобильный телефон. Я тяну непривычно длинную руку, сжимаю непривычно длинные пальцы – и произношу чужим голосом:

– Да.

Потом, конечно, все становится на свои места.

– Ну наконец-то! Я думал, что не разбужусь... Не добужусь... В общем, забирай меня отсюда.

На этом разговор с Крисом заканчивается, а я просыпаюсь окончательно. В доме темно и холодно, часы показывают три ноль семь. Я набираю его номер и слушаю бесконечные

гудки, потом включается автоответчик. Судя по голосу, босс прилично набрался. И откуда его прикажете забирать?

Я натягиваю джинсы, влезая в майку с названием любимой группы, завязываю шнурки на кедах, взъерошиваю волосы – все это занимает около полутора минут; куда практичнее, чем суетливые женские сборы, да и выгляжу я просто сногсшибательно. По крайней мере, на свой собственный вкус. Пробую перезвонить Крису, но в трубке снова одни долгие заунывные гудки. Видимо, идеальный босс вздумал меня испытать. Хотя голос... Голос чересчур пьяный, что никак не вписывается в эту гипотезу.

Выйдя из дома, я думаю о том, что неплохо было бы захватить толстовку, но времени на возвращение нет. Миную бассейн, обхожу стороной теннисный корт, захожу в Крисов дом. Провернул бы все со своего компьютера, да вот беда, не помню и-мейла. Пароль знаю, а дурацкий логин – нет. Так, по возможности меньше смотреть на то, что творится в огромном доме, не копаться в разбросанных майках и джинсах... Есть. Мобильник Криса геолоцируется в каком-то далеком клубе – надо думать, вместе со своим хозяином.

Я хватаю ключи со столика внизу, мгновение колеблюсь, но беру чужой джемпер, и пулей вылетаю из дома. Воздух свеж и прозрачен, но меня подгрызает тревога, и даже дышать не хочется. Поэтому я прыгаю за руль серьезного Крисова джипа и мчу к заданным координатам, почти не смотря по сторонам.

Имею право волноваться: вдовесок к демону мне достался еще и на удивление спокойный и незлобивый босс, который вот уже две недели ведет себя тише воды, ниже травы; а также его идеальная репутация и невероятных масштабов кинокарьера. Подкинули мне мои генералиссимусы задачку, а главное – не потрудились даже предупредить, чертовы пернатые. Я неудачно вписываюсь в поворот, потому что лечу под сотню, шины визжат, и машина хочет вырваться из-под моей власти, но я крепко держу руль и направляю ее туда, куда надо мне.

Клуб находится мгновенно. Взбегая по лестнице, я жестом руки приказываю секьюрити подвинуться, и он слушается. С такими мелочами проблем не возникает уже давно, но все равно отчего-то приятно и лестно.

Крис оказывается в пятом по счету приватном зале, с кучей пьяных девиц и непонятного вида припевал. Судя по всему, натворить ничего не успел. Я перевожу дух, с каждым мгновением все больше убеждаясь в том, что это бессовестная и наглая проверка, когда он наконец-то меня замечает. Я стараюсь не меняться в лице и не опускать гордо поднятую голову все те невыносимые мгновения, которые босс тратит на то, чтобы добраться до меня.

Крис пошатывается, а не парит над полом, и смотреть на него отчего-то душно и щекочет нервы.

– Двадцать семь минут, – еле ворочая языком, провозглашает он и замолкает, смотря на меня тем самым трезвым и обыкновенным взглядом, который со стороны видится как страдальческая попытка не пойти вразнос.

Я чуть киваю и убираю волосы с лица, стараясь не поджимать губы. Обещал же. Да и не по-мужски это как-то. Иногда женские привычки все-таки пробиваются изнутри – например, после эмоциональных встрясок.

– Ты же живешь в моем доме, – продолжает Крис, не дождавшись реакции. Мне остается только развести руками; кто платит – тот и выбирает, о чем говорить.

– Ну хорошо, не в моем. В моем гостевом доме! – он поправляет выбившуюся из хвоста светлую прядь. – А мы сюда добирались почти час.

– Ты говорил мне, что поедешь в ближайший бар. Велел спокойно отсыпаться после пресс-конференции.

Я делаю глубокий вдох: того и глядишь, скачусь в морализаторство, а этого наш контракт никак не предусматривает.

– Нет, не то, чтобы я был незнаком с концептом “большой проверки”, – развожу руками я. – Просто думал, что ты выше этого.

Слова слетают с языка сами собой, и я чуть не подпрыгиваю, услышав их. Д-доигрались, мать-перемать. Делаем комплименты демону. Думаем хорошо – о демоне!

– Незнакома и ду-ма-ла, – задумчиво говорит Крис, и у меня обрывается сердце.

– Едем, – бросаю я.

– Не-зна-ко-ма и ду-ма-ла, – повторяет Крис и пьяно смеется. Я обнимаю его за плечи и влеку к выходу.

– А как же деньги? – перед нами рисуется какое-то непонятное создание.

– Сами расплатитесь, не маленькие, – фыркаю я. – И так уже содрали черт знает сколько, могу поспорить.

– Не поминай его имя всуе, – шепчет мне улыбающийся Крис. Я наконец-то понимаю, насколько он пьян.

Мы делаем пару шагов, и тут босс замирает, хлопает себя по карманам.

– Кошелек. Этот урод только что вытащил у меня кошелек.

Я вспоминаю резкое движение, зафиксированное подсознанием, и понимаю, что, пожалуй, дело так и обстоит. Впору засмеяться, но меня берет невероятное зло. Я прислоняю Крису к

стене, в три прыжка догоняю создание, слегка его толкаю и тут же вижу торчащий из-за пояса дорожный бумажник.левой рукой выхватываю его, а правой – правой с короткой дистанции даю по лицу.

– Ты зачем ему врезала? – спрашивает Крис перед тем, как сесть в машину.

Я бросаю взгляд на свои ободранные костяшки и наконец-то прихожу в себя.

– Хватит обращаться ко мне в женском роде.

– С ума сошла, да? – возмущенно говорит он, и это меня почему-то смешит донельзя. – В английском нет женского рода.

– Да перестань, – я резко обгоняю плетущуюся в левом ряду Ламборгини, и та, кажется, обижается и начинает прибавлять скорость – где-то в зеркалах заднего вида.

– Это ты перестань так ездить, – Крис открывает окно, и ночной воздух потоком врывается внутрь.

– Нам ничего не будет, – парирую я, но скорость снижаю. Ламборгини идет на обгон и радостно исчезает во тьме.

– Это *они* тебе таких глупостей наговорили? Ангелы?

– Не в том смысле, босс. У меня слишком обострены все рефлексy, я просто не могу попасть в аварию.

– Конечно, как иначе, ведь тебе нужно задерживать демонов-нарушителей, лапушка.

Я вздрагиваю и бросаю взгляд на Крису, развалившегося на заднем сиденье.

– Вот ты себя не видишь, – тянет он. – А ведь просвечиваешь сквозь, да как просвечиваешь! Внутри него – ты. Изящные руки, длинные пальцы... Ты ведь почти с него ростом, лапушка, только стройная и тонкая. Настоящая ты.

– Галлюцинации, – фыркаю я в ответ. – Ты ничего не видишь, тебе только кажется.

– Неправда, я вижу *тебя*.

– Ты пьян, – тяжело вздыхаю.

– Когда у *тебя* отпуск? – Крис вдруг наклоняется вперед, между двумя креслами, и дышит алкоголем и жаром прямо мне в шею.

– Когда дашь, – отзываюсь я.

– Да нет, женщина, когда у тебя отпуск из твоего идиотского тела?

Я вздрагиваю, хотя и не могу сказать, что не ждала этого вопроса.

– Как только убьешь кого-нибудь – буду свободна, как ветер.

– Хоть раз сказала о себе в женском роде! – Крис совершенно не заморачивается смыслом.

– Я же на русском разговариваю. И информацию воспринимаю на русском. Для тебя разницы не должно быть. Ты же демон, неужели не в курсе?

Я говорю лишнее и явно напрашиваюсь на подзатыльник. Пускай даже от самой себя. С родами облажалась по полной и снова болтаюсь в чужом теле.

– Откуда? – возмущается Крис. – Думаешь, я каждый день с ангелами и их посланницами общаюсь? Бог милостив ко мне, Бен, дорогая, ты у меня первая. А то, что я понимаю все без исключения языки мира – знаешь, лингвистического анализа не проводил, как я в итоге информацию воспринимаю. На месопотамском или сразу, напрямую в мозг.

Я секунду размышляю над сказанным. Меня предупреждали, что он древний и сильный, но...

– Так когда отпуск? – снова спрашивает он, и я едва сдерживаю непрошенный смешок.

Мы поднимаемся по ступенькам темного дома очень медленно. Крис засыпает на ходу, поэтому я практически волоку его на себе. Возможность бросить тело на кровать кажется благословением. Он валится на живот, и светлые волосы рассыпаются по плечам. Я нервно сглатываю, мнусь – и все-таки укрываю его одеялом. Не то, чтобы это не входило в обязанности ассистента...

– Бен, – сонно говорит он.

Я чертыхаюсь про себя.

– Что?

– Как мне тебя звать? Имени настоящего ты все равно не скажешь, но можно же что-то придумать. Бенфиция? – Крис с трудом переворачивается на спину и смотрит на меня так, что я, кажется, проваливаюсь в пустоту и лечу-лечу-лечу. Он смотрит не как демон, а как обычный пьяный человек, и я, право слово, совсем не знаю, что с этим делать.

– Единственный твой недостаток заключается в том, что ты много думаешь и мало говоришь.

Сегодня вон все про проверку твердила.

– А что это было? – мгновенно вскидываюсь я.

– Я попросил забрать меня из клуба.

Сил нет, и я сажусь на краешек его кровати.

– Я не знала, где ты.

Второй раз за вечер употребляю женский род по отношению к себе. Просто прекрасно. Еще чуть-чуть и, пожалуй, начну плакать, глупо хихикать и кокетничать.

– Что за чушь, – с трудом произносит Крис, совсем засыпая. – Пол-Америки знало, мы же написали, куда едем, в Твиттере Роуз.

Мне хочется хлопнуть себя по лбу, но пока я с ним, надо держаться в рамках.

– Ты же знаешь, что я не существую. Любой след –да даже это имя дурацкое – оставляет круги на воде. Регистрироваться в социальных сетях для *меня* подобно... Подобно смерти.

Крис приподнимается на локтях:

– Чем больше существует Бен, тем меньше существуешь... *ты?*

Дурацкий демон, все схватывает на лету.

– Откуда столько удивления в голосе? – бодро отзываюсь я.

– Нет, ты, должно быть, шутишь, – отвечает Крис сразу, как будто даже протрезвев. –

Откуда мне это знать? Я ангелов-то видел пару раз в жизни, не то, что ангельское смертельное оружие. Зачем тогда говорить о себе в мужском роде? Зачем вообще другое тело, лапушка?

– Много будешь знать – скоро состаришься, – кривлю губы я.

– Но я хочу тебя увидеть, – удивленно говорит Крис. – Давай, бери у них отпуск, потому что я никого убивать не собираюсь, слышишь? А значит, тебе придется коротать вечность рядом со мной. Нельзя же, чтобы ты стала Беном.

В этот момент наконец-то происходит то, чего я ждала весь вечер. Крис дергается, не договорив, распахивает окно и блюёт вниз прямо с третьего этажа.

Я падаю на диван в нашем шикарном пентхаусе и глубоко дышу, смотря, как передо мной колыхаются и опадают радужные круги. Спать, конечно, надо больше и куда меньше – носиться, как загнанный волк. У меня, к сожалению, нет выбора.

– Ну, что там косая ведьма? – лениво интересуется Крис, а я – удивительным образом – не вздрагиваю от неожиданности.

– Сам-то как думаешь? – огрызаюсь в ответ, стараясь не смотреть, как он идет за шампанским в едва держащихся на талии джинсах.

– Цыц, – бросает он мне, и тут я подпрыгиваю на месте. – Рассказывай по делу, иначе зачем я тебя терплю, посланница ангелов?

– Да иди ты, – я резко вскакиваю, и мир уходит из-под ног. Тридцать семь часов без сна дают о себе знать. Может, падение будет к лучшему, хоть полежу немного. Хитрое тело, впрочем, хватается за спинку дивана, продирая запястье деревянной резной спинкой.

– Я-то иду, – делает бровями замерший на месте Крис, – а вот ты падаешь. Может, лапушка, плюнешь на все и скажешь свою магическую фразу, отцепишься от меня и вперед на все четыре стороны? Я тут как-нибудь разберусь без тебя.

Морщась от боли, чуть было не начинаю пространную лекцию на тему того, что фразы отошли в небытие пару веков назад, и теперь душа наблюдателя привязывается к душе ведомого цифровым кодом, который у меня – проще не бывает. Пять-пять-ноль-пять, отвязался и бежать. Ведь иногда приходится это делать. Сообразив, что сейчас раскрою все тайны и дам Крису возможность освободиться, я только хмыкаю. Не затем ли хитрый светловолосый демон устроил всю эту катавасию: поругался с партнершей по фильму, – и теперь всё простаивает уже вторые сутки, студия несет колоссальные убытки, а я мотаюсь между ней и ним, пытаюсь хоть как-то смягчить женское сердце.

Крис внимательно на меня смотрит. Я пожимаю плечами и улыбаюсь в ответ. В дверь стучат. Он идет открывать, и я замороженно, будто в замедленной съемке смотрю на то, как на пороге появляется Люси (с которой я в последний раз проговорил в течение часа), как она стоит мгновение молча, а потом набрасывается с поцелуями на моего демона. И тот, надо сказать, вполне живо ей отвечает. Видимо, при ближайшем рассмотрении “косая ведьма” оказывается не такой уж и косой.

Я оперативно падаю за диван, как раз в тот момент, когда взгляд Люси, по моим расчетам, должен прочертить траекторию до меня. Судя по отсутствию изменений в столах и влажных, черт побери, звуках, я все делаю вовремя и правильно. Собственно, от дивана остается перекатиться под лестницу, а дальше бочком, бочком – и на второй этаж. Если повезет, до него сладкая парочка не доберется.

Марш-бросок до собственной комнаты мне и без того дается с трудом. Я засыпаю на огромной кровати под балдахином почти сразу, проваливаюсь в глубокое и нудное черное безмолвие, даже не раздевшись.

Сумерки холодят кожу, я вздрагиваю и собираюсь перевернуться на другой бок, когда понимаю, что в комнате есть кто-то еще. Сон снимает как рукой, и ровно мгновение я гадаю, пора ли затягивать отходную или еще можно побороться за жи... Житие?

– Лапушка, – раздается над ухом, и я облегченно выдыхаю. Лучший в мире демон, видимо, забыл, где стоит текила. Или телефон разбил. Или... Меня поднимают над кроватью и швыряют о стену, и это так неожиданно, что я наслаждаюсь ощущением новизны. Следом является боль, из прикушенной губы течет кровь, голова кружится, а мир плывет и пахнет медью. В глазах двоится, и я с удивлением смотрю на светлый ковер, которым покрыт пол моей комнаты.

– Вставай, – роняет Крис.

Я поднимаю глаза. На демоне безукоризненная черная рубашка и свежие джинсы.

– Понимаю, понимаю, слишком долго спал. Но можно было просто меня разбудить, а не...

В глазах Криса не написано ничего хорошего, поэтому я резко вскакиваю – и тут же уворачиваюсь от летящего в скулу кулака.

– Ты спятил? – рявкаю я, стратегически перемещаясь к балкону, потому что выход из комнаты отрезан громадным светловолосым парнем.

Вместо ответа я все-таки нарываюсь на удар, отбрасывающий меня на стеклянную дверь в кованной оправе. Внезапно не чувствуя спиной сопротивления, я слышу, как звенит осколками воздух и снова приободряюсь. Как ни крути, это что-то новенькое.

– Хочешь меня так выгнать? – вскакиваю на ноги, которые – о чудо – все еще держат. Крис мелькает тенью, за мной, на балкон, и я отчаянно рвусь внутрь, в комнату, потом по лестнице на первый этаж нашего гостиничного пентхауса, потом... Мои планам не суждено осуществиться: он догоняет на раз-два, рука скользит по дверной ручке – и пальцы не сжимаются, потому что демон хватает меня за плечо и с силой разворачивает к себе. Я пытаюсь его ударить. Он перехватывает мой кулак и очень страшно смеется.

– Говори свою фразу, лапушка, – смотрит мне в глаза так, что режет куда больнее, чем разбитое стекло.

Я фыркаю в ответ. Не то, чтобы мне не хотелось сняться с задания, но кто, если не я? Да и не престало нам, солдатам светлой стороны, капитулировать. Он сжимает мое запястье в своей руке, и я ору от боли. Потом все вдруг проходит.

Зрение фокусируется, позволяя увидеть, что Крис очень странно смотрит куда-то в меня. Ни разу не видев, как демоны пьют души (все мои подопечные были *обезврежены* ангелами до того), я почему-то зажмуриваюсь от ужаса, с силой отталкиваю его от себя, и это работает. Крис отлетает на пару метров и глядит изумленно, но я не собираюсь останавливаться или убегать. Я толкаю его снова и бью – наугад – порезче. Попадаю. Вот еще, выискался на мою голову повелитель. Или он что, думает, я от него отвяжусь самостоятельно, а больше ангелы никого не пришлют?

– Размечтался, придурок, – цежу сквозь зубы, ослепленный холодной, бледно-голубого оттенка, яростью. – Не имеешь права, – еще толчок, еще удар, на этот раз в корпус. – Это мы, мы можем приставить к тебе наблюдателя. В любой момент, когда захотим. Вы унаследовали Землю, но мы ее защищаем, – отлетает, как игрушка, – вы пьете души, когда срываетесь, отродье небесное, но мы тут как тут, привязанные к вам, готовы сработать маяком для ангелов, которые не дадут этого сделать.

Светлые волосы Криса разлетаются по плечам, я останавливаюсь, замираю и вдруг очень четко чувствую, что в правой руке торчит осколок стекла.

Дальше я вообще мало что понимаю – потому что каким-то образом оказываюсь на полу, и сквозь бледнеющую ярость осознаю, что демон сейчас сломает мне позвоночник, согнет пополам не в ту сторону. Мне становится страшно. Сердце стучит, как сумасшедшее, в глазах круги, и я, почти плача, думаю, кто же я и зачем все это было, вместо нормальной жизни. Вместо детей, солнца на воде, вместо каблучков и встреч с друзьями. Потом страх уходит вместе с остатками ярости. Мне кажется, что надо хотя бы чуть-чуть побороться.

– Ты ничего не добьешься. О тебе...

– Заткнись, лапушка, – просто бросает он и выламывает мне плечо так, что с губ срывается какой-то звериный рык.

– Прошепчи фразу и вали, ты хорошо заработала, да и потусовалась тоже. Тебе подыщут кого попроще.

Он нажимает коленом мне на позвоночник и тянет руку на себя с еще большей силой, так, что я почти слышу, как хрустят мои кости. Боль пронизает сознание. Она белого цвета и немного похожа на ярость.

– Да отцепись ты от меня! – орет кто-то очень знакомым голосом. – Отцепись, тварь, мне больно, больно, больно мнееееееееееееее!

– У тебя очень хреновая работа, лапушка, – произносит голос над ухом, и боль, вместо того, чтобы перейти в финальный аккорд, стать совсем невыносимой – и привести за собой смерть, затихает.

Я шевелю правой рукой, потом левой, потом встаю на четвереньки и поднимаю залитое слезами лицо. Крис сидит передо мной на кровати и смотрит чуть насмешливо и даже как-то ласково.

– Фраза? – я поднимаю правую руку и подношу ее к глазам. – Тебе нужна фраза, мразь? Сейчас я ее тебе скажу, сейчас я, – пять-пять-ноль-пять, – сейчас я ее скажу, и катись к чертям! Мне найдут кого попроще! Слушай.

– Лапушка, – тянет Крис. – Молчи уж теперь. Раз не сказала, когда я ломал тебе спину, что сейчас-то распинаться? Должность у тебя хреновая, я понял уже. Но – сработаемся. Сработаемся, – в его голосе звучит насмешка, и у меня в глазах темнеет.

Я прыгаю – и прижимаю его к постели с одним намерением: удушить гада прямо сейчас. Боль еще вернется, но в крови кипит и клокочет адреналин, а значит – я в состоянии убивать.

Крис совсем не сопротивляется и даже смеется. Я мотаю головой, пытаюсь выгнать из сознания этот звенящий звук.

– Здоров, здоров, – одобряет демон. – Только это не ты. Ты – хрупкая и внутри него.

– Молчать, – рычу я. – Молчать.

– Ты не можешь меня убить, Бен. Ангел карает лишь выпившего душу. Параграф...

– Мне плевать, – резко выдыхаю и стараюсь не смотреть Крису в глаза. – Я не ангел. Убью твою земную форму, вот и сказочке конец.

– Ты им подскажи, кстати, эту идею. Убиваешь демона, потом вон из чужого тела и шитокрыто. Интересно, через сколько секунд после первого такого действия разразится война?

Адреналин спадает. Я понимаю, что он просто играет со мной, не сопротивляется, и задушить его не удастся ни за что. Но я все равно держусь руками за горячую шею.

– Такой вопрос, лапушка.

– Перестань, – я требовательно трясу его. – Перестань меня так называть.

Светлые волосы мотаются туда-сюда, как и я в своем теле.

– Так вот, вопрос, лапушка. Как ангелы определяют, что пора бы уже присоединить наблюдателя к демону? Наверное, у них есть какие-то особые гадальные карты, которые начинают свистеть и мигать, когда демон готов к убийству? И вот тогда-то пернатые особи, дай им Бог здоровья, выделяют наблюдателя и...

– Замолчи, – я трясу его за плечи уже даже без злобы. Вопрос имеет место быть, и я не знаю на него ответа. Предыдущие мои подопечные срывались где-то за месяц. Крис спокойно протянул полтора и сегодня чуть не сломал мне хребет. Вспышка ярости, накрывающая меня, на этот раз слабая и блеклая.

– И такой момент. Зачем привязывать тебя ко мне? Я подозреваю, что это каким-то образом помогает отследить момент моего грехопадения, но как? Все та же свистящая и мигающая система на широких маковских мониторах твоих... генералов, солдат?

– Каких еще мониторах? – дергаюсь я, впрочем, не от этого. – Почему ты назвал меня солдатом?

– Это же война, лапушка, – он улыбается. – А в аду сидят на двухлетних Самсунгах, это всем известно.

С моей губы падает капля и неожиданно приземляется на его щеку, скатывается по ней, оставляя стремительно светлеющую и свертывающуюся дорожку.

– Бен, – бросает Крис укоризненно и отталкивает мои руки. – Пойдем умываться, а то сейчас зальешь меня всего кровью.

Эта фраза почему-то бесит сильнее предыдущих и я замираю, ошеломленная.

– Честное слово, ты уж не сердись на меня, я больше так не буду. Но и ты пойми, что я не собираюсь никого убивать. Мне хорошо живется. Поэтому стоило попробовать тебя выкурить.

Он тут же машет руками:

– Не тебя, конечно. Саму идею присмотря. Чтобы ты сбежала к своим ангелам и сказала, что я никого убивать не буду. Так что не сердись.

Я наконец-то знаю, как ему отомстить. Дергаюсь – он, конечно, непроизвольно моргает – но я всего-навсего целую его. Прижимаюсь губами к губам. И сама зажмуриваюсь – какой мужик не взбесится от того, что я творю? Отстраняюсь и жду чего-то.

Крис облизывается с видимым удовольствием.

– Застала врасплох, надо же, лапушка, – говорит он растерянно... и тянется ко мне за добавкой, обхватывая правой рукой за талию.

Я вскакиваю на ноги, бегу в ванную, запираюсь на замок, придвигаю к двери маленький комодик. Потом смотрю на свое окровавленное и ошарашенное отражение в зеркале – на красавца Бена смотрю! – и раздражаюсь истерическим смехом.

(2 часть)

Они говорят мне, что я плохо работаю, что я не стараюсь, что все это моя вина и что я, конечно, могу забыть об отпуске до тех пор, пока Крис не попытается кого-нибудь убить. Я выхожу из огромного здания, от души хлопнув дверью, и впервые думаю о том, что меня обманывают.

На сапогах полно пыли. Я с трудом вспоминаю, что когда-то была женщиной, и понимаю, что в другом своем теле вряд ли добралась бы до места съемок чертова блокбастера вообще. Неудачная стыковка в семь часов, скоростной поезд в глубь ненавистной Франции, потом два автобуса... С оттягивающей плечо сумкой, в солнечных очках, с пылью на зубах. Но что мне остается делать? Крис написал смс – и я мчусь сломя голову.

В гостинице его нет. Я хочу заселиться в номер, но номеров, к несчастью, нет тоже. Я еле успеваю спрятаться в мужском туалете от фланирующей куда-то Роуз (она-то что здесь потеряла?!), потом предельно вежливо прошу оставить сумку за стойкой у старушки-хозяйки, и она расплывается в улыбке, мгновенно соглашаясь.

Крис отсутствует и на съемочной площадке. Воздух сухой и колючий, я почти задыхаюсь, почти давлюсь им. Наконец, местный мальчишка тянет меня за рукав и показывает на небольшое здание. Я только и успеваю, что хлопнуть его по плечу. Малыш, конечно, что-то перепутал, но я все-таки толкаю дверь церквушки и захожу внутрь.

Меня пронизает свет, я даже не понимаю, в чем дело, почему внутри так ярко и необычно. Потом вижу огромный витраж почти в противоположную стену размером и облегченно вздыхаю. Около распятия кто-то молится, стоя на коленях. Я секунду всматриваюсь в широкие плечи, узнаю толстовку (на мне такая же, купили три недели назад на концерте), невольно делаю шаг назад.

Сглатываю – и понимаю, что паника, незнакомое ощущение, накрывает меня с головы до ног. – Ты что? Ты что? – за одну секунду оказываюсь около Криса. – Убил кого-то?

Последняя фраза дается с огромным трудом, и, кажется, до ответа проходит три столетия.

– А, моя дорогая Бен, – Крис (это действительно он) оборачивается ко мне с улыбкой, и капюшон падает с его головы, обнажая распущенные волосы. – Что с тобой?

Я задыхаюсь, в самом настоящем ужасе, не могу ничего сказать, не могу ничего сделать. Он кого-то убил, и я – я никогда больше не буду проводить с ним дурацкие вечера, никогда не буду ходить с ним на концерты, никогда... Никогда.

Крис трясет меня за плечи, я кривлюсь, как от боли, и весь мир залит этими глупыми лучами света: синими, белыми, красными.

– Что с тобой? – спрашивает он тихо, но очень внятно.

– У, – я сглатываю, пытаюсь унять трясущиеся губы и наворачивающиеся на глаза слезы. – ...бил кого-то, да?

– Лапушка, да ты переутомилась, – Крис улыбается и прикасается своими прохладными губами к моему лбу. – Да еще и заболела, похоже. Пойдем-ка в гостиницу.

– Зачем ты тогда молился?! – самочувствие и вправду не из лучших, но это не значит, что меня можно держать за идиота. – Тебе, конечно, самое место в церкви!

– Не кричи, – оказывается, Крис почти что тащит меня на себе – и так хорошо пахнет, что даже голова идет кругом. – Взялась тут на мою голову. С температурой, проблемы решать не можешь, что с тобой делать, а? Какого вот ты не в отпуске?

На пороге церкви я обеими руками хватаюсь за косяк. Крис продолжает тянуть меня прочь от несусветных лучей, уже за пояс штанов.

– Ты – кого-то – убил?!

– Никого я не убивал, – шипит он недовольно. – Выходи уже, а то я с тебя сейчас стяну джинсы! Мне-то по барабану, но тот папарацци явно не в курсе, что ты – красивая молодая девушка, так что может получиться нехорошо.

Я отцепляюсь от косяка, невольно подмечая, что к “молодой” добавился еще один эпитет. Крис молча тащит меня дальше.

– Сам могу идти, – гордо заявляю я.

Делаю три шага, и меня ведет в сторону. Крис, правда, тут как тут, упасть не дает.

– Вижу, вижу.

Мы поднимаемся к нему в номер очень медленно, благо, все ушли на съемки, и только старушка провожает нас долгим взглядом. Я суеверно оглядываюсь, но она не похожа ни на бога, ни на дьявола.

– В гостинице нет мест. Есть Роуз. И какого черта ты делал в церкви, а? – я с трудом валюсь на кровать.

– Будешь жить здесь – говорит Крис. – Нам впервой, что ли?

– Иди ты, – отзываюсь я, блаженно уставившись в потолок. – Знаешь, чего мне стоит отсутствие слухов о том, что мы спим друг с другом?

– Понятия не имею, – фыркает он.

– Что ты забыл в церкви? – я сглатываю, горло сухое, и кадык чувствительно гуляет по шее.

– Поговорить с Ним ходил, – просто отвечает Крис, и меня душит смех.

Я вижу его лицо прямо перед собой. Выражение озабоченное и даже печальное.

– Рот открывай, лапушка.

Вздрогнув, я незаметно для себя оказываюсь на другом конце кровати с намерением бежать куда подальше.

– Лапушка, – укоризненно говорит он. – Я горло посмотреть хотел. Но твой прыжок мне прямо даже польстил. Ты, никак, решила, что я сейчас высосу твою душу? По-французски – с языком?

Он смеется.

Я раздраженно мотаю головой и опять ложусь на кровать.

– Рот, – требует Крис.

Приходится подчиниться. Он заглядывает внутрь и хмыкает.

– Что такое? – резко спрашиваю я.

– Чуть нос мне не откусила, надо же. А горло красное. Простудилась.

В дверь кто-то стучится. Я даже не делаю попытки встать. Крис замирает на месте. Мы проводим в молчании пару минут, пока незваный гость наконец не уходит.

– Собственно, почему я тебя и вызвал.

– Роуз? – наугад спрашиваю я.

– Ты моя умница. Знаешь, бордель мне здесь не нужен от слова “совсем”.

Я кривлюсь:

– До сих пор спишь с косой ведьмой?

Крис кивает.

– А Роуз что тут забыла?

– Без понятия, лапушка.

– Вот и хорошо. Пойди пообедай с ними двумя, а старику Бену дай помереть спокойно. Папарацци наделает снимков, и мне не придется высчитывать, не слишком ли часто мы появляемся вместе на публике.

По лбу пробегают холодные пальцы, и я вздрагиваю, а вздрогнув – отчего-то завожусь. Мужское тело – очень удобная штука, за исключением одного момента. Сейчас, к счастью, возбуждение смазано, у меня температура, и сдохнуть хочется сильнее всего. А вообще, женское сознание, подсоединенное к мужским рецепторам... Стояк на концерте, стояк на пресс-конференциях, вся жизнь – один сплошной стояк.

– О чем думаешь с таким-то мучительно-сосредоточенным выражением лица?

– О том, как мне не повезло.

– Сама же говорила: работа такая.

Я захожусь кашлем, и Крис замолкает.

– Сейчас закажу в номер чаю, и пойду обедать с Роуз и Люси.

Покладист не в меру, даже странно.

– Или вот что, лучше сгоняю в аптеку, а ты лежи.

– Да брось, – пренебрежительно машу рукой я. – Кто тут чей ассистент? По аптекам должен бегать я.

– Ну давай, попробуй догнать.

С этими словами Крис исчезает на полчаса.

– Купил жаропонижающее. И лекарств. Вроде хороших, – тянет он у меня над ухом, и я прихожу в себя.

– Зачем ты мне написал?

– Нужно было, чтобы ты разобралась с Роуз. В идеале – уволокла ее с собой.

– Крис, – я чуть ли не впервые называю его по имени. – Ты спросил у меня, почему я не в отпуске. Я был в нем. Ты сам мне давал отпуск, чтобы я пошел к ангелам и взял отгул у них. И поехал домой. Мы с тобой уже полгода вместе, я больше не могу в этом теле. И ты был настолько чуток, что позволил мне так поступить.

– Ну поймала, поймала, лапушка, – Крис наливает на ложечку сладкопахнущего сиропа и подносит к моим губам. – Рот открывай и не прыгай больше по стенам.

Я проглатываю лекарство.

– Поймала?

– Поймала. Был уверен, что тебе дали отгул и что ты все равно приедешь решать мои проблемы. Хотел посмотреть на тебя. Роуз вон намекнул, что давно с ней не виделись.

Я аж подскакиваю на месте:

– Это что, у меня скандал из двух женщин на руках? Вот дьявол! Вот дьявол, Крис, как мне его разруливать?!

– Да мне все равно, если честно, – отвечает он. – Так почему ты не в своем теле, когда должна быть в своем?

– Зачем ты ходил в церковь? – мрачно интересуюсь я, думая, что он столкнул лбами двух женщин с одной только целью – посмотреть на меня.

– Я сказал тебе. Были вопросы.

– Не смейся мои колени! – заявляю я и тыкаю пальцем ему в грудь. – Отвечай!

– А почему ты все время поминаешь дьявола, кстати и некстати, а мне нельзя поговорить с твоим Богом?

– Он не мой бог, – категорично заявляю я и тут же осекаюсь.

– Ты бы почувствовала, если бы я кого-то убил.

С этим спорить трудно.

– Я, правда, начинаю думать, что если кого-то убить, то хоть увижу тебя настоящую.

Он тянется и гладит меня по голове, и я откликаюсь на прикосновение, таким от него веет теплом.

– Даже не думай, Крис, просто не успеешь, – выходит очень тихо. – Пернатые ублюдки заберут тебя до.

– Как мы выражаемся! – укоризненно качает головой он.

– Правдиво, – отрезаю я.

– Не дали отгула?

– Как видишь. А, впрочем, оно, может, и к лучшему.

Крис поднимает брови.

– Меня зовут Елена, мне сорок семь, я вешу семьдесят три кило при росте сто шестьдесят пять сантиметров. Можешь даже не закатывать глаза, это правда. А то, что ты видишь внутри меня, это моя душа. Она, может, высокая и красивая. Понятия не имею.

Крис опирается на руки и вздыхает:

– Сильное признание.

– Твоя очередь. Как вы пьете души?

– С языком, я же тебе рассказывал. Половину наших по ошибке в голубые записали!

– Перестань балагурить.

– А ты перестань звездеть, как майская роза.

Я чуть дергаюсь и смотрю на него исподлобья.

– Сорок семь, лишний вес... Рассказывай об этом своим ангелам.

– Не веришь? – спрашиваю удивленно.

Он смотрит на меня долгим взглядом, хмыкает и выходит из комнаты, взяв джемпер со спинки стула.

– Тати? Тати Александер Иск?

Я зачарованно киваю, в очередной раз поражаясь тому, какие красавчики сидят у нас в комиссии, пардон, в высоком трибунале. Строгие, с идеальными чертами идеальных лиц. Таких, кажется, вообще в природе не бывает.

– Вы обвиняетесь в намеренном препятствовании исполнению воли Господа нашего, Всевышнего Отца, путем чинения препятствий...

– Отставить этот бардак!

Я вздрагиваю. Это, конечно, мой куратор, Элайджа. Илья. Какая, в сущности, разница, раз уж и мое относительно русское имя они коверкают на какой-то странный манер.

– Вы не имеет права судить ее.

– Элайджа, – тип из комиссии неохотно поворачивает голову. Везучий. Я так не могу – с тех пор, как пару часов назад мне заехали по шее сияющим мечом, продирая оболочку до настоящего тела. Хорошо, что плашмя, в самом деле.

– Замотали нашего самого ценного агента в простыню, на колени поставили и судите? – я почти улыбаюсь. Раз он здесь и ругается, проблем мне не грозит.

– Предлагаю заслушать, в чем обвиняется ваш самый ценный агент, – сероглазому председателю комиссии только в Аду быть на посылках – с такой-то холодностью речей.

– Я слышал.

Элайджа выходит вперед и машет мне рукой. На вид ему лет сорок, красивый мерзавец в извечной черной рубашке. Ангелы вообще питают слабость к черному цвету.

“НЕ ЖАЛЕЙ ОБ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ!” – выдает мой телефон в абсолютной тишине зала. Я чуть ниц не падаю от неожиданности.

– Что это такое? – с плохо скрываемой яростью спрашивает председатель.

– Насколько я могу судить, айфон, – отвечает Элайджа и слегка улыбается. – Ответь, это ведь *он*.

Комиссия начинает неодобрительно перешептываться.

Я провожу большим пальцем по экрану, на котором написано “Крис”, и прижимаю трубку к уху. Скованными руками это делать не так уж и удобно.

– Ты вообще соображаешь, что творишь? – из трубки на меня льется поток отборных ругательств. – Роуз в истерике.

Я вспоминаю, что почти женилась в своем другом обличье, и тяжело вздыхаю. На том конце сразу настороженно замолкают.

– Я тоже не понимаю, зачем ты с ней встречаешься, но уж будь добр! – последняя фраза действует на меня магическим образом. Простоволосая, обнаженная, в какой-то простыне, со скованными руками, перед великим трибуналом – или как там, дьявол его задери – и тут Крис, мой подопечный демон, впервые обращается ко мне в мужском роде.

– Скажи что-нибудь, – требует он.

– Опаздываю, буду позже, – я пожимаю плечами, глядя на Элайджу, который одобритительно смотрит на меня. Красив, черт, но, в отличие от демонов, совершенно не нацелен на земную жизнь. Вынужден тут мыкаться, только и всего.

Председателя, тем временем, уже можно выносить. Я внезапно понимаю, что он устроит мне по полной, и думаю, как бы ему насолить.

– Голос, – Крис мгновенно сипнет и даже откашливается.

– А? – беспечно переспрашиваю я, тонов на пять выше, чем обычно. Поделаться с этим я ничего не могу, так зачем волноваться.

– Ты где и почему я слышу звон цепей?

– Крис, дорогой, у тебя галлюцинации, – мне не до выбора слов. Чем больше я с ним говорю, тем выше поднимаются ставки. Тем больше злится убогий председатель, тем пуще возмущается комиссия. Чего доброго, захотят Крису навредить, упыри.

– Я выезжаю, и даже не думай там погибнуть без моей помощи, например.

Элайджа задумчиво кусает нижнюю губу, и я понимаю, что это конец.

– Сядь ровно и дыши глубже, – бросаю я невзначай и подмигиваю председателю. Тот идет какими-то трупного цвета пятнами. – Подумаешь, я с тобой не тем голосом разговариваю. Распаниковался-то, а. Рассказываю, почему ты должен оставаться на месте и ждать меня.

Элайджа чуть хмыкает.

– Дай мне хоть одну причину, – рычит Крис на том конце провода, и что-то внутри меня звенит при этой фразе, отзывается, плывет.

– Я влезла не в свои разборки. Двое демонов на моих глазах забирали ангела, и я вмешалась.

– Нет, это возмутительно! – не выдерживает председатель.

– Вот, видишь, до сих пор возмущаются, – я тревожно делаю глазами Элайдже. Тот, впрочем, и без меня хватает говорливого ангела за воротник и приподнимает над столом. Как ни крути, а в его действиях шарма и изящества хоть отбавляй. “Тебе демон в нашем офисе нужен?” – одними губами артикулирует Элайджа.

– Влезла. В наши. Разборки. С ангелами, – цедит Крис.

– Вот именно, – радостно подтверждаю я, глядя, как председатель беззвучно хрипит в руках моего чудесного куратора. – Мне его жалко стало, – на мгновение сердце замирает, и я снова вспоминаю, как шла к машине в красивом мужском теле и как увидела... То, что увидела.

– Верю, – презрительно бросает Крис.

– Чудесно, – ядовито отзываюсь я.

– Так ты у нас?

– В некотором роде.

– Выгляни из окна, опиши пейзаж. Мне нужен конкретный офис. А то ты, может, в Омахе.

– Не получится, – кривлюсь в ответ. – Досталось по шее, смотрю только вперед.

– Чем это? – голос Криса звучит подозрительно.

– Ножом, чем. Попали плашмя, но телу пришел конец. Впрочем, мне обещают всё сделать в лучшем виде и отпустить в ближайшие двадцать минут. Так что я приеду, не волнуйся. Наври что-нибудь Роуз, – я выразительно смотрю на председателя, поправляющего свой скучный пиджак и делающего вид, что никто его только что не душил.

– Жду и – знаешь, это такой прокол, который стоит работы.

– Не думаю, – парирую я и бросаю трубку на пол.

Председатель вступает без лишних пауз.

– Учитывая произошедшее...

Элайджа отнимает у него молоток и стучит им по кафедре.

– Прошу великую комиссию принять во внимание следующий факт: такого агента, как Тати, у нас просто нет и не было никогда. Совмещая в себе лучшие черты борца за справедливость и человеческое свойство приспособляемость, она не допустила ни единого промаха и спасла четыре души за рекордно-короткий срок.

– Разве она не находится на текущем задании восемь месяцев? – шелестит один невыразительный (но тоже красивый) ангел из комиссии.

– Совершенно верно, – хмыкает Элайджа. – Так вы оцените уровень демона, с которым Тати работает – и как работает, заметим!

– Никак, – вяло отмахивается сероглазый. – Вообще никакой реакции.

– Может быть, уважаемый председатель изволили забыть, что мы не имеем права подталкивать демона к преступлению?

– Однако наличие привязанной души должно его спровоцировать, – начинает было невзрачный.

– Это богословский спор, – отрезает Элайджа, и я трясую головой: что он сказал? – Мы имеем право на наблюдение, как и они, а ваша так называемая привязка – не более, чем способ зарегистрировать факт наблюдения в Книге.

У меня начинает дергаться правый глаз.

– Прекрати заливать, – сероглазый бьет кулаком по конторке. – Твоя девица вступилась на улице за мальчишку-демона, которого пытались забрать двое ангелов, отбила его, да еще ангелам наваляла, пока один из них не был вынужден ее остановить.

– А что они делали с мальчишкой? Ну же, Айкель, скажи мне, – голос Элайджи становится вкрадчивым.

– Постановлением три миллиарда семьсот сорок восемь миллионов двадцать три тысячи пятьсот шестьдесят первым мой клиент признается невиновным и должен быть немедленно отпущен, – прорезает залу чей-то звонкий голос.

Черт меня раздери, если это не Джимми. Но это он, одетый в строгий серый костюм по последней моде, изящно несущий на одной руке целую кипу бумаг.

– К порядку! – стучит кулаком по кафедре сероглазый.

Элайджа, меж тем, задумчиво вертит молоток между пальцами.

– Отпустите моего клиента немедленно, и мы не начнем войну, – спокойно заявляет Джимми, ни разу не оглянувшись на меня.

По коже продирает мороз.

– Молодой человек, вы совсем спятили? – сереет председатель. – Вы даже не демон.

Ах, вот оно что. Такой же, как я? Еще ведь про дьявола что-то шутил...

– Эта девушка спасла демона от несанкционированной и, видимо, повлекшей бы за собой гибель, расправы. Подобные действия со стороны светлой стороны подпадают под статью один миллион семьсот тридцать три тысячи пятую и рассматриваются как прямой повод к разрушению Договора. Я еще не обратил вашего внимания на тот факт, что демон – ребенок, который возвращался из школы. Убить он никого не мог чисто физически.

Я чуть поднимаю брови. Ребенок не ребенок, а лет шестнадцать было на вид.

– У нас есть запись.

Председатель синееет, а Элайджа неодобрительно качает головой.

– Демонстрировать? – спрашивает Джимми. Я плотнее кутаюсь в простыню. Вот уж не думала, что меня когда-нибудь будет защищать демонский адвокат.

– Да ваш клиент даже не в курсе, кого защищал, – дергает глазом председатель.

– Вот хаметь-то не надо, – произношу я себе под нос, но неожиданно выходит громко и отчетливо.

Все присутствующие оборачиваются ко мне. В трех взглядах я читаю свирепое хладнокровие, в одном – одобрение и еще в одном – настороженное удивление.

– Хм, – говорю я и ободряюще звеню цепью. – Конечно, я знала, что вступаюсь за демона.

Элайджа поднимает правую бровь.

– Тут дело не в этом, – продолжаю я как ни в чем не бывало. – Вот на моих глазах симпатичный славный паренек идет из... из школы, ну, положим, я об этом не знала. Непохоже, что он кого-то собирается убивать в ближайшее время. Чист, как младенец. Демон, да. И тут, вдруг откуда ни возьмись, из джипа на него прыгают двое. Я даже понять ничего не могу, а тут уж и мечи в дело пошли. Ну вот и вышло, как вышло. А Крису же я не могу этого рассказать, председатель.

– Так нам звать к оружию? – спрашивает Джимми дерзко.

– Тати Александер Иск, двадцать шесть лет, рост 178, вес 63, профессия... – начинает зачитывать невзрачный.

– Покороче, – бросает Джимми, – а то я вас знаю.

– Свободна, – почти сплевывает приговор сероглазый. Цепь на руках распадается сама собой.

Я встаю на ноги, киваю Элайдже (он все, конечно, понял) и выхожу на улицу, так и завернутая в одну простыню, с распущенными длинными волосами, с обугленной от увиденного душой. Босая. Мне не остается ничего иного – и я набираю Крису.

“И ЕСЛИ ВСЕ НАШИ ДНИ СОЧТЕНЫ, ТО ПОЧЕМУ Я ВСЕ ЕЩЕ СЧИТАЮ?” – раздается справа от меня, и я вздрагиваю. Так звучит звонок на телефоне Криса. Та же самая группа, что у меня. Песни с соседних альбомов. Одинаковые толстовки.

Я медленно поворачиваюсь. Крис стоит у своего внедорожника и смотрит на меня.

– Сорок семь? Серьезно? Ты очень хорошо сохранилась.

– Двадцать шесть, – буркаю в ответ я, и плетусь к любезно открытой двери. Ходить босиком по асфальту, оказывается, не самое приятное занятие.

– Говорят, привязанная душа провоцирует, – безэмоционально бросаю я, пока мы отъезжаем и набираем скорость.

– Это богословский спор, – отзывается Крис словами моего бывшего куратора.

– Пять-пять-ноль-пять, – без жалости откликаюсь я и замираю на мгновение.

Кажется, что мир обрушится тотчас. Но солнце светит по-прежнему ярко, а Крис все такой же невероятный, не поддающийся описанию словами, как и раньше. Он не превратился в страшного монстра с облезавшей кожей, не стал хуже или лучше. Во всяком случае, это то, что мне видно боковым зрением. Повернуться не хватает сил, но все-таки он такой же.

– Come again?² – говорит Крис и резко дергает руль вправо.

– Ты почему по-английски... – я прерываю сама себя и чуть не зажимаю рот рукой. Все, наша история наконец-то закончилась.

Можно, конечно, начать рассказывать о том, каким образом я попала к ангелам, что именно меня сподвигло на спасение демоненка, но мне хочется плакать и домой. А еще – чтобы меня обнял Крис. Меня, мою плечи, чтобы моя кожа чувствовала его тепло. Потому что все досталось, по стечению обстоятельств, доспехам. Бену. Чужому мертвому телу. Я даже вздрагиваю от отвращения – и жалости.

– Did I say something wrong?³ – интересуется Крис и снова дергает руль.

Я закусываю нижнюю губу, и он ругается, а потом резко тормозит, поднимая столб пыли. Я чуть не вылетаю через лобовое стекло, благо, пристегнута, да и Крис ставит руку передо мной, а потом сразу вылетает из машины. Я разворачиваюсь всем телом. Пыль кружится в

² Повтори? (англ.)

³ Я что-то не так сказал? (англ.)

воздухе и кажется золотой, оседает на иссушенную землю. Рядом с машиной стоит Элайджа и о чем-то рассказывает Крису. Я сглатываю и судорожно тру глаза, надеясь, что видение исчезнет. Когда я поднимаю взгляд, бывший куратор уже садится за руль белоснежной Ламборгини, смотрит на меня и посылает воздушный поцелуй.

– Ты подумай, хороший мужик, впервые такое вижу, – говорит садящийся в машину Крис на чистом русском, а Элайджа, между тем, исчезает в столбе пыли, резко трогаясь с места.

– Что? – переспрашиваю я, зачарованно глядя вслед Ламборгини.

– Элайджа твой очень хороший мужик, – повторяет Крис, пристегивая мой ремень. – Так и так, мол, отнесись с пониманием, перестарались... Редкость для ангела.

– А если вы каждый раз войной грозить будете, так вообще все хорошо станет, – задумчиво отзываюсь я.

– Не имею понятия, о чем ты, и думать не хочу.

– Ну конечно. А Джимми?

– Джимми ко мне никакого отношения не имеет. То, что его послали защищать тебя – так потому, видно, что ты не за ангела вступилась.

Крис поворачивается ко мне и хмыкает. Это почему-то ужасно задевает. А я даже посмотреть на него не могу.

– Значит появление Джимми никак не связано с тобой?

– Я нашел тебя, вскрыв твой лаптоп и выписав координаты мобильного. Ничего не напоминает?

Я пожимаю плечами. Подумаешь.

– А вот почему ты мне наврала, я понять не могу, красавица. Вступилась за одного демона и наврала другому.

– Мне еще надо было с тобой работать. Какой же из меня солдат..

– Раз говоришь правду? – Крис снова хмыкает и, кажется, светится, такой красивый и настоящий.

Я фыркаю.

– И если тебе со мной работать – то зачем ты отвязалась?

Я только и могу, что развести руками.

Мы останавливаемся перед домом Криса, и я топаю босыми ногами внутрь, осматриваюсь. Вещи, в общем, можно не собирать. Просто надеть джинсы поуже, рубашку – и ехать, ехать, ехать. Сердце колет и голова кружится. Я даже не задумываюсь о том, стала бы вступаться за мальчишку, если бы знала, чем все закончится.

Крис кладет руки мне на плечи, и я подпрыгиваю. Воздух непрозрачный, голубоватого оттенка.

– Спокойно, лапушка. Твой красавчик ангел дал мне кое-что от травм.

Он проводит ладонью по шее, и я чувствую невероятное облегчение. Могу, кажется, даже повернуться.

Руки так и остаются лежать на моих плечах.

– А скажи-ка мне, лапушка, что у вас с ним было?

– Крис, ты спятил, – устало говорю я. – Ты когда-нибудь видел ангела без одежды?

– Нееет, – тянет он, – а ты вот, похоже, видела.

Я оборачиваюсь, едва сдерживая смех. Крис, правда, чересчур серьезен, и я не могу не насладиться этим странным чувством обладания хотя бы мгновение. Кладу обе ладони ему на грудь, заглядываю в глаза снизу вверх – и первый раз вижу настоящего Криса в глубине голубых глаз. Никакой брони, никаких чужих тел. Чем же он тогда отличается от обычных людей?

– Так что? – хрипло спрашивает Крис.

Я опускаю глаза и отстраняюсь – на расстояние шага.

– Они не раздеваются. Они не потеют. Их тело – это их броня. Элайджа живет в этой рубашке уже пару десятилетий. Они лишены чувств.

– Я бы так не сказал, – осторожно начинает Крис. – Он, конечно, извинялся-извинялся, сказал, что проследит за тем, чтобы меня больше наблюдатели не трогали, плел все про их собачью работу, а потом, садясь в машину, глядит на меня такой и говорит: “Не позаботишься о ней – у нас с тобой состоится самая неприятная встреча в твоей жизни”.

Я хмыкаю.

– Он выручил меня из одной неприятной истории. Мне надо было исчезнуть, и он дал мне такую возможность. Стер целый кусок реальности из моей жизни. Видишь ли, Крис, я по молодости давала советы сильным мира сего. Имела свой взгляд на ситуацию. Тусовалась, встречалась с манекенщиками и бросала деньги на ветер. А потом одному из моих клиентов мой же совет встал боком. И он решил сорвать зло на мне.

– Советы? – переспрашивает Крис все так же хрипло.

– Да, – киваю в ответ я, отступая еще на шаг назад. Между нами будто рвется с треском какая-то нить. – Самого разного характера. Это был слоган моей фирмы там, в далекой России: “Если проблема кажется вам неразрешимой, вы просто не хотите ее решать”.

– Элайджа спас тебя? – щурит глаза Крис.

– Именно. Избавил меня от этого психа, так что я сразу перестала бояться за семью и друзей. А теперь я наконец-то могу лететь домой.

Крис сам делает шаг назад, и между нами, кажется, пропасть. Я усмехаюсь, и на зубах – горечь.

– Никогда не думал, что встречу хорошего *ангела*. И хоть кого-то, кто вступится за демона.

Он мотаает головой, как будто по-прежнему не веря. И мне так хочется протянуть руку и коснуться его, взять за плечо и сказать, что я сама не думала, что смогу вступиться за демона.

Что я вступилась за демона только из-за него, из-за Криса. Но я лишь молчу и улыбаюсь.

– Элайджа, значит, обещал тебе самую неприятную встречу в твоей жизни? А ты что? Пообещал ему самую неприятную встречу в его?

– Нет, я сказал, что позабочусь о тебе.

Крис смотрит пытливо и протягивает руку. Меня как будто отбрасывает назад. По эффекту этот жест ничуть не уступает колену в спину и ломаемому позвоночнику. Мне так хочется броситься ему на шею и перестать уже держать долбанную простыню, что я стискиваю зубы еще крепче. Потом сглатываю, наконец заметив, что кадык больше не гуляет по шее, и делаю шаг вперед, не смотря на Криса. Потом еще один. Замираю на месте, ни дать ни взять – статуя. Тогда Крис вздыхает, делает шаг ко мне, касается пальцами правой руки моих волос, поправляя их, и тоже замирает.

Честное слово, я готова стоять так вечно, но он нарушает благословенную тишину:

– Оденься, пожалуйста, и поедem.

– В аэропорт? – надо уточнить; мое сердце падает и разбивается вдребезги.

– В аэропорт. Элайджа сказал мне, что обвенчает нас самостоятельно, но только в Лас-Вегасе. На закон, в том числе и Божий, ему, конечно, плевать, но просто там очень красиво.

И тогда я сразу хватаю его правой рукой за шею, прижимаюсь всем телом, простыня, конечно, спадает, и Крис смеется.

– Оденься, оденься, женщина, – шепчет он мне в губы.

– Давай лучше ты разденешься? – предлагаю я в ответ.